

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена выразительным возможностям лингвистических единиц словообразовательного уровня в художественных текстах. Фрагмент учебного пособия «Русская стилистика».

Первый словообразовательный аспект, связанный со стилистикой, – это уяснение семантики той или иной морфемы и верное их употребление. Приведем следующий пример: писатель приступает к роману и размышляет: *Так, но с чего начать, какими словами? Все равно начни словами: там, на пристанционном пруду. На пристанционном? Но это неверно, стилистическая ошибка (...) Пристанционными называются буфет или газетный киоск, но не пруд, пруд может быть околостанционным. Ну, назови это околостанционным, разве в этом дело? Хорошо, тогда я так и начну: там, на околостанционном пруду... Саша Соколов. Школа для дураков.* Кстати, отметим, что «околостанционный» – потенциальное слово, его не фиксируют обычные словари, оно создается автором в момент необходимости.

Следующий важный аспект словообразовательной стилистики – точное разграничение синонимических аффиксов и уместное использование их. Таковы, напр., префиксы ЛЖЕ-, ПСЕВДО- и КВАЗИ-. Все они передают семантику мнимости, но не вполне одинаково. Приставку ЛЖЕ- мы употребим скорее в ситуации самозванства (Лженерон, Лжедмитрий), подлога (лжеисидоровы декреталии), злостного заблуждения (лженаука). Префикс ПСЕВДО- означает все оттенки ложности, но, по видимому, преобладают оттенки подделки, имитации (псевдоклассический, т. е. относящийся не к настоящему, а к эпигонскому классицизму; впрочем, столь же употребителен термин «ложноклассический»), мистификации, нередко безобидной (псевдоним). Префикс КВАЗИ- скорее передает смыслы мимикрии, суррогата (у А.М. Горького в «Жизни Клима Самгина» Дронов говорит: «Марксисты, эти квазиреволюционеры без любви к народу»), нередко просто неудачной попытки (квазиреформы, квазиперестройка). При этом, конечно, все перечисленные приставки семантически диффузны и могут употребляться друг вместо друга. Стилистически они дифференцируются: ЛЖЕ- – приставка общекнижная, ПСЕВДО- тяготеет к публицистической речи, КВАЗИ- – к научной.

Стилистически значимы бывают омофонические аффиксы, одинаково звучащие, но различающиеся орфографически. Их неразличение, путаница ведут к забавной языковой игре, но могут выражать

и более серьезный смысл, как, напр., в следующем фрагменте: *Проходя мимо двухэтажного здания, огороженного зеленым итакетником, я сначала обратил внимание на вывеску у ворот: «Дом презрения пристарелых», где приставки «пре» и «при» перепутаны местами были, как мне показалось, символически. В.Н. Войнович. Монументальная пропаганда.* В путанице приставок пре- и при- действительно можно усмотреть нечто «знаковое». А. Солженицын очень удачно (хотя не без риска для себя) выразился, что человек иногда и хочет солгать, но язык выдает его. В приведенном выше примере язык выдает не только безграмотность, но и фарисейство современных «благотворителей». Они пытаются создать впечатление, будто подражают respectableм дореволюционным «благодетелям обездоленных», имитируют даже их речь. Но на самом деле их «благотворительность» (форма саморекламы) превращается в карикатуру, которой соответствует такой же карикатурный язык. Оборот «дом презрения» обнажает их подлинное отношение к нищим и одиноким старикам.

В русском языке встречаются уникальные морфемы, употребляющиеся в одном слове и производных от него: БАХВАЛиться, МУсор, РАдуга, ШИворот, годОВАЛый, дубРАВа, зЛЫДЕНЬ, клейСТЕР, патронТАШ, попАДья, почтАЛЬОН, почтАМТ, стекЛЯРУС. Почти все эти слова явно стилистически окрашены – напр., «детвора» и «злыдень» – разговорные слова, но не следует преувеличивать их стилистическую яркость. Такие слова бывают экспрессивны из-за необычности своего состава, причем не всегда.

Более экспрессивны раритетные аффиксы, малотипичные или вообще не типичные для русского языка. К такой ситуации тяготеют случаи, когда аффиксальный **уникализм**, т. е. аффикс, употребляемый в одном слове и производных от него, окказионально переносится и на другие слова. Напр., уникальный суффикс -ИССИМУС в русском языке встречается только в слове «генералиссимус», но поддается переносу – напр., в письме В.П. Боткина Н.А. Некрасову: *О, доктора! О, докториссимусы! О, рутина! О, невежество! Прибавь еще 1000 разных О – и все-таки это не выразит моего изумления от их невежества – а главное, невнимания.* Элемент -ИССИ-

МУС уникален только в русском языке, в латинском он (сочетание суффикса и флексии) является элементом системы и означает превосходную степень прилагательного. Поэтому, хотя в русском языке нет слова «докториссимус», мы его понимаем как «наученейший», причем с оттенком злой иронии. Здесь фактически выражается наивысшая степень самомнения и невежества.

Для стилистики – главным образом, для публицистического стиля – релевантен прием обособления аффиксов путем **субстантивации**. Давно уже стало традицией употребление суффикса -ИЗМ как своеобразного слова со значениями: «философия», «идеология», «направление в искусстве» и проч. или, по выражению Горького, «система фраз» – напр.: «Он против большевизма, бабувизма, бланкизма и тому подобных *измов*»; «Он не признает капитализма, социализма и других *измов*», «Он изучает футуризм, имажинизм, акмеизм и другие *измы*» и т. д. Но в любом значении лексема *изм* отмечена принципиальной неполнотой, она всегда предполагает целый ряд однотипных феноменов. Трудно привести более избитый пример субстантивированного использования морфемы, чем этот *изм*, и невозможно себе представить оригинальное употребление данного сегмента. Однако философ и писатель А.А. Зиновьев это делает в романе «Зияющие высоты». Его книгу можно назвать советским вариантом «Истории одного города», она написана в такой же гротесковой стилистике. Жители города, олицетворяющего собой в миниатюре всю страну, исповедуют идеологию, саркастически именуемую «*измом*» (кстати, не следует думать, что имеется в виду марксизм-ленинизм: Зиновьев сам марксист и один из лучших знатоков этого учения). «*Изм*» – это псевдомарксизм, т. е. так называемый «научный коммунизм», – учение Маркса, вульгаризированное бездарными эпигонами. Зиновьев смеется над его выхолощенностью, беспредметностью, но, кроме того, необычно применяет субстантивную морфему «*изм*» как название не одной из идеологий, а единственной идеологии, отрицающей все остальные.

Аналогичную морфему («ист») весьма удачно обыгрывает А.М. Горький в «Жизни Клима Самгина»: [Макаров:] *Из двух Успенских – Глеба я читал, а что был еще Николай – впервые слышу. Глеб – сочинитель истерического. Впрочем, я плохо понимаю беллетристов, романистов и вообще – истов. Неистов я.* Сочетание *ист* проводится здесь едва ли не по всем языковым уровням – по мере укрупнения. Сначала это комбинация звуков, причем данная в двух вариантах: глухом («истеричес-

кий») и звонком («*из двух*»). В слове «истерический» *ист* ведет себя как своеобразная квазиморфема – радикалоид, т. е. корнеподобное образование: настоящим корнем этот сегмент не является, но для данного текстового фрагмента выполняет функцию, сходную с корневой, т. к. возникает целый ряд слов, в которых воспроизводится этот элемент – то как суффикс, а то и как часть корня. В словах «беллетристов» и «романистов» *ист* фигурирует в своем прямом – словообразовательном – значении, как суффикс. Затем он субстантивируется и употребляется как подобие слова: «и вообще – *истов*». И, наконец, уже не *ист*, а *истов* делается основой последнего сегмента – краткого прилагательного «*неистов*». При этом базовая комбинация звуков [*ист*] то и дело видоизменяется: то озвончается, то снова оглушается, то притягивает к себе другие звуки. Причем этот процесс сопровождается активнейшей **пересегментацией**: *ист* проявляется то как корневая, то как суффиксальная морфема, *ов* – то флексия существительного, то суффикс прилагательного. Кроме того, на фоне всего высказывания фраза «Неистов я» воспринимается и в прямом смысле, и в дополнительном: я не из этих «истов», я не хочу ни к кому примыкать. Горький лингвистическими средствами передает протест Макарова против стремления «обузить» жизнь, свести ее к схемам, к «измам», примитивизировать человеческую личность. В речи Макарова даже одна морфема ни в какие однозначные схемы не укладывается.

Такому же обособлению через субстантивацию поддаются и другие морфемы, в том числе префиксы, особенно иноязычные: см. названия произведений: «Контр» Н.А. Тэффи, «Квази» В.С. Макарина.

Общеизвестно, что у различных функциональных стилей есть типичные для них морфемы и способы словообразования. Это относится и к маргинальным слоям различных стилей – в каждом из них есть свой жаргон, со своей словообразовательной спецификой. Напр., Э.М. Береговская перечисляет разнообразные способы образования квазисловечек молодежного сленга (подробнее см.: Береговская 1996).

Стилистически релевантны и особенности журналистского жаргона – напр.:

(...) мне порядочно надоел псевдомолодежный словарь нашей газеты, ее постоянное бесплодное бодрячество. Мне надоели задумки вместо замыслов, живинки вместо живости, веселинки вместо веселья и даже глубинки вместо глубины. Ф.А. Искандер. Созвездие Козлотура.

Выделим также универбализацию словосочетаний в речи интеллектуалов: Художественный, Большой, Малый – московские театры, «Лебединое» (озеро), «Вестсайдская» (история) – спектакли. Об экспрессивности подобных универбов можно судить, напр., по такому тексту: *Возбужденные, все в ожидании необыкновенных перемен, с блестящими глазами, бывшие подруги (...) категорически заявили: не придет на премьеру – веки не простят...*

– У нас такая «Вестсайдская», что вам тут и не снилось...

«Не спасись», – подумала Татьяна Николаевна (...) Ей не хотелось смотреть эту потрясающую «Вестсайдскую», стоившую (...) Элле переломанного ребра: они там по замыслу режиссера все время откуда-то прыгали. Г.Н. Щербакова. Вам и не снилось...

Сокращенное (т. е. как бы «неполноценное») название спектакля гармонично вписывается в этот «истерический» контекст, воспроизводящий речь и мышление бездарных, агрессивно-глупых, претенциозных людей.

Адъективные универбы, относящиеся к названиям культурных учреждений, вузов, улиц, городов и т. п. (Художественный, Политехнический, Невский, Малая Бронная, Нижний, Первопрестольная, Белокаменная), часто передают семантику интимности, причастности говорящего к миру искусства, науки и т. д.

В речи ученых универбы, по-видимому, являются жаргонизмами, причем изощренными, если автор предпочитает более наукообразные синонимы, – напр., *эксплозивный* вместо *взрывной* (звук), *билабиальный* вместо *губно-губной*, *латеральный* вместо *боковой* и т. д. Это стилистически оксюморное сочетание строгой «книжности» с «разговорностью» как бы свидетельствует, что «ученые – тоже люди», а не педанты.

Стилистически релевантны – чаще всего как средство речевой характеристики персонажей – словообразовательные **солецизмы**, т. е. неграмотно образованные слова, обычно относящиеся к случаям «народной этимологии»: *полувер* (т. е. пуловвер), *ракетники* (рэкетеры – в романе «Тайна Кутузовского проспекта» Ю. Семенова), *антилегенд* (интеллигент – в «Жизни Клим Самгина» А.М. Горького) и др.

При изменении морфемного состава слова меняется и его значение, в том числе психологический регистр. Сравним две почти семантически тождественные фразы: «Я переводил «Гамлета» четырнадцать лет» и «Перевод «Гамлета» продол-

жался четырнадцать лет». Фактуальная информация в них одна и та же, но нюансы отношения к ней различны. Говоря: «Я переводил «Гамлета» четырнадцать лет», «я» просто констатирую факт. Работа продолжалась 14 лет, но «я» мог отвлекаться от нее, уходить с головой в другую деятельность. Фраза «Перевод «Гамлета» продолжался четырнадцать лет» может означать, что работа над переводом великой трагедии занимала «меня» целиком, что она составляла главное содержание этого периода. Во втором предложении акцент переносится с субъекта действия на его объект, а субъект превращается в психологический объект: не «я» переводил «Гамлета» – сама работа заставляла «меня» заниматься ею. Срав.:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.

Тициан Табидзе.

Перевод Б.Л. Пастернака.

Общеизвестно, что посредством морфем (уменьшительно-ласкательных, преувеличительных и др.) передаются эмоциональные оттенки. Однако не менее выразительным бывает неупотребление экспрессивных морфем, а вернее – контраст между их объявлением и отказом от их использования: *Дело было в кабинете генерала Бетрищева. Именно там Павел Иванович Чичиков сказал: «Ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбят». И поднесено это было с такой ловкостью и так внушительно, что генерал Бетрищев поверил, а вместе с Бетрищевым поверили и мы – и, кажется, до сих верим, что это – аксиома. Но попробуйте перенести ее из плоского чичиковского мира, из мира мертвых души – в мир, где горят трагические души, – и вы увидите, что эта общепризнанная аксиома окажется перевернутой на голову, вы увидите, что полюбить черненькой или серенькой любовью дано всякому (из Чичиковых), и лишь немногим под силу путь иной – б е л о й л ю б в и. Е.И. Замятин. Белая любовь. «Беленькая» и «белая» соотносятся здесь как «маленькая» и «большая», сентиментальная и настоящая любовь.*

Многие морфемы имеют устойчивое, в том числе стилистическое, значение – напр., суффиксу -j- соответствуют значения собирательности и презрения (рухлядь, если речь идет о вещах, – *тряпье*, или сброд, если речь идет о людях, – *ворье* и т. п.). Но тот же суффикс может выражать и другие, в том числе и нетипичные, смыслы – напр.:

За окном рябина,
Словно мать без сына,
Тянет рук сучье.
И скулит трезором
Мглица под забором –
Темное зверье.

Н.А. Клюев. Погорельщина.

Здесь существительные с -j- не обладают презрительной коннотацией (как, впрочем, и слово *зверье* в известных примерах из Есенина и Маяковского: «зверье, как братьев наших меньших», «Я люблю зверье»). «Сучье» еще можно прочесть как собирательное существительное: сучья рябины – как пальцы (а весь образ интерпретируется как сравнение засыхающего дерева с матерью, потерявшей кормильца и просящей подаяния; напоминаем, что «Погорельщина» – поэма о гибели исконного уклада русской деревни). Но *зверье* в этом тексте как-то не вписывается в обычное представление о собирательности: сумеречная мгла сравнивается с собакой (*трезором*), а одна собака – это не зверье, да и свора или стая собак – тоже. Смысл образа, по-видимому, в другом: мрак – это подобие первоматерии, хаоса, в котором в слитом виде пребывают пра-образы живых существ. Погибающий мир обращается в первозданное состояние. Существительные с -j- передают здесь не столько семантику собирательности, сколько слитности, нерасчлененности, а кроме того – ощущение первобытности, дикости и какой-то древней как мир неуютности и тоски.

Приведем еще один пример окказионального использования суффикса. Оно возникает из-за неоправданного отождествления русского суффикса с иноязычным или «народноэтимологической» адаптации иностранного слова, а также связано с возникшим на этой почве «обратным словообразованием». Один пример такого рода стал хрестоматийным: возникновение формы «зонт» из «зонтика» от голландского *zondek*. Приведем аналогичный пример обыгрывания суффикса -ИК, а вернее, неадекватной его идентификации. Пример взят из набокковского романа «Отчаяние», где герой жалуется на свою жену: *Она малообразованна и малонаблюдательна. Мы выяснили как-то, что слово «мистик» она принимала всегда за уменьшительное, допуская таким образом существование каких-то настоящих больших «мистов», в черных тогах, что ли, со звездными лицами.* -ИК в слове «мистик» – не суффикс, а субморф, т. е. часть морфемы, внешне омонимичная самостоятельной морфеме, но не являющаяся

ею. -ИК входит в состав корня *мистик*. Образование «мистов» от «мистиков» – это типичный случай окказиональной «обратной деривации». Типичной она является для детей: К.И. Чуковский и Н.А. Янко-Триницкая приводят много подобных примеров. Любимый Набоковым Льюис Кэрролл тоже прибегал к «обратному словообразованию». Так что набокковская героиня в буквальном смысле ведет себя по-детски.

Прием окказионального членения слова (**пересегментации**) нередко встречается в публицистической и философской литературе. Делается это пунктуационными средствами – обычно с помощью дефиса вычленяется та часть слова, которую следует переосмыслить, увидеть по-новому или вообще заметить. Путем дефисации обнажается внутренняя форма слова или осуществляется его перераспределение. Так часто поступал М. Хайдеггер, а философ В. Подорога, подражая ему, озаглавил одну из своих статей таким образом: «Гео-логия языка и философствование М. Хайдеггера». В русском языке слово «геология» давно не воспринимается по частям. Мы не выделяем элементы «земле-» и «-словие». Для нас геология – это наука о полезных ископаемых и т. п., мы не подвергаем это слово калькированию. Когда Подорога ставит дефис, он не просто делит слово, но вкладывает в него другой смысл, а именно: слово («логос») в чем-то повторяет метаморфозы Земли («гео-»). Реальная Земля не имеет шарообразной формы (горы, впадины), однако стремится к ней: какие-то участки поднимаются. Какие-то опускаются, происходят разломы земной коры. Землетрясения – это не катастрофы, а знаки активной жизни Земли, ее стремления к идеальной сферической форме. Точно так же хайдеггеровское слово развивается, движется к своему «настоящему» значению, при этом размываясь. Знак этого разлома – знаменитое дефисное написание слов у Хайдеггера. На месте разлома тотчас же возникает новое значение. Как пишет Подорога, хайдеггеровский разрыв – это сгиб, единство разделения и связности. Когда Подорога сам делит слово «гео-логия», мы понимаем это не как науку о земных недрах, а как метафорическое сходство слова и Земли: оба перестраиваются, в обоих возникают разломы.

Поскольку мы коснулись словообразования на основе греческих морфем, остановимся на этом вопросе подробнее. Излишне говорить, что удельный вес подобной лексики высок в научных и общественно-политических текстах и эта лексика привычна носителям русского языка. Однако в течение последних 10-15 лет в обиход вошли новые

гречизмы. Такие слова, как «геополитика», «харизма(тический)», но особенно – «демократ», «патриот» и т. п., конечно, не возникли в наше время, а лишь наполнились актуальным, порою специфическим значением.

В XX в. появились или утвердились новые науки, научные направления, а вместе с ними – их наименования и термины. Это привело к ренессансу греческих словообразовательных элементов, и данный процесс охватывает весь XX век, иногда выходя за его рамки. Атомная физика, архетип, гелиобиология, кибернетика (синергетика, тектология – три науки о самоорганизации систем; слово «кибернетика» принадлежит М. Фарадею, «тектология» – А.А. Богданову), кинематограф, космонавтика, криогеника, ноосфера, экология, этногенез и др. Представители гуманитарных наук нередко заимствуют терминологию из наук естественных, тем самым словно придавая собственным исследованиям дополнительную корректность и объективность, – в чем вряд ли нуждался М.М. Бахтин, взявший термин «архитектоника» у З. Фрейда, а «хронотоп» – у физиолога А.А. Ухтомского.

Особенностью современной терминологии греческого происхождения следует признать **использование мифологических элементов**; так, напр., слова «клиометрия» (историческая политэкономия), «кентавристика» (синтез научного и эстетического мышления), «химера этническая» (по Л.Н. Гумилеву – сосуществование неоднородных этносов в общей государственной структуре) и др.

Говоря об использовании в словопроизводстве иноязычных элементов, отметим один момент, важ-

ный для культуры речи. В высшей степени неудачны многие «французско-нижегородские» образования типа «читабельный» (довольно старое словечко, было известно уже в первые советские годы), «смотрибельный», «подписант», «антинакипин» – и т. п. псевдонаучные и псевдокнижные конструкции. Они оправданы в двух функциях: стилизаторской и юмористической, причем нередко обе они совмещаются. Таковы, напр., пресловутый «веснулин Бабского» в повести И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Светлая личность» (средство от веснушек, после применения которого исчезает все тело; квазинаучное наименование подчеркивает кустарность работы незадачливого изобретателя), «антихрапин» в романе Д.А. Гранина «Иду на грозу».

В юмористических целях писатели часто создают остроумные аббревиатуры – чаще всего названия учреждений и предприятий: КЛООП у Ильфа и Петрова, НИИЧАВО (НИИ чародейства и волшебства) в романе братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», КУКУ в фильме Л.И. Гайдая «Жених с того света», ШИМЫЗ (Ширле-Мырлевский завод) в романе А.А. Зиновьева «Зияющие высоты». Эффект заключается в том, что аббревиатура должна затемнять содержание названия, здесь же аббревиатура его, напротив, безжалостно вскрывает, обнажает бесполезность организаций, носящих эти наименования. Логика приема заключается в том, что аббревиатура убирает все лишнее, снимает камуфляж, открывает суть вещей, т. е. буквально сокращает название до его квинтэссенции.

Мощнейшим источником выразительности являются **окказиональные слова**. На этом вопросе мы останавливаться не будем, т. к. посвятили отдельную работу (см.: Флоря 2000).

Список использованной литературы:

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопр. языкозн. – 1996. – №3.
2. Флоря А.В. К вопросу о русской неологии // Вестн. ОГУ. – 2000. – №2.